

Много вам говорили здѣсь, чрезвычайно много красивыхъ фразъ, а вотъ эти вопросы замалчиваются. Для чего Андриюшу мучили? Чѣмъ онъ провинился? Вѣдь, онъ никому ни на кого не доносилъ. Допустимъ, что онъ пригрозилъ, и что его рѣшили казнить смертью. Ну, хорошо, но чѣмъ же его мучить? А дажѣ, почему убійцы отдыхали, если это были члены шайки Вѣры Чеберякъ? Потому, къ чему было тратить время для нанесенія 47 ранъ, когда одного удара въ високъ насквозь въ черепъ было бы достаточно? Нѣтъ отвѣта ни на одинъ изъ вопросовъ! Таковы обстоятельства, въ которыхъ мы находимся, такая защита, представляемая со стороны Бейлиса. Къ какимъ же выводамъ окончательно мы должны придти? А вотъ къ какимъ. Защита сама установила, что здѣсь либо Бейлисъ, либо Вѣра Чеберякъ, третьяго случая нѣтъ. (Движеніе ореди защиты). Нѣтъ третьяго случая. Это, вѣдь, не я говорю, это говорятъ они. Не разъ они это говорятъ, то они обьязаны нести всѣ послѣдствія этого своего утвержденія. Стало бытъ, когда они вамъ говорятъ: „Оправдайте Бейлиса“, то они говорятъ: „Осудите Андриюшу“. И когда г. Зарудный призывалъ вамъ Бога на помощь, а когда у г. Карабчевскаго слезы слышались въ голосѣ, тогда они просили васъ о томъ, чтобы вы Андриюшу осудили, чтобы вы этого несчастнаго страдальца, беззащитнаго, единственно сохранившаго доброе имя и незапятнанную честь, чтобы вы его опозорили вашимъ приговоромъ. Я не смѣю настаивать передъ вами, что я глубочайшимъ образомъ убѣжденъ въ виновности Бейлиса.—въ чемъ, я думаю, вы не сомнѣваетесь,—не смѣю занимать вамъ своего убѣжденія, обратиться къ вамъ съ просьбою установить фактъ, а вопросъ о виновности рѣшить по вашей совѣсти. Но когда мнѣ бросаютъ вопросъ о томъ, что я будто бы самъ не знаю, виновенъ или не виновенъ Бейлисъ, то я свидѣтельству переть вамъ, что я глубочайшимъ образомъ, по совѣсти и чести, не могу думать иначе, что убійца Бейлисъ...

Пред. Это уже будетъ ваше свидѣтельство.

Шмаков. Но, господа, пускай это дѣло изувѣроно, вы всетаки евреи, а у евреевъ основная черта неизреченная гордыня. Мало того, что они хотятъ достигнуть

опряданія Бейлиса, но они триумфа хотять. Въ то время, когда Россія трепещетъ въ ожиданіи вашего приговора, они хотять, чтобы вы своимъ приговоромъ запятнали се. Но, г. г. прис. засѣд., всему есть мѣра и всякому глумленію есть предѣлъ. Настанетъ мохентъ вашего сужденія въ совѣщательной комнатѣ, и вы поставите обвинительный приговоръ о Менделѣ Бейлисѣ, а не иной, памятуя, что сама защита поставила вопросъ такъ, когда выхода иного быть не можетъ. Одно изъ двухъ: либо осудить Андриюшу и довести тѣмъ самымъ до послѣдней степени безумія его многострадальную мать, либо осудить Бейлиса. И пусть они не утѣраютъ васъ въ томъ, что нѣтъ данныхъ для обвиненія. Еще разъ скажу вамъ, что какъ бы вы ни углублялись, какъ бы вы ни адумывались, вы объяснить ходъ событій по этому дѣлу иначе, какъ виновностью Менделя Бейлиса, не можете. О виновности, о признаніи этой виновности я почтительнѣйше передъ вами ходатайствую.

Послѣ А. С. Шмакова слово представляется защитнику прис. пов. Д. Н. Григоровичъ-Барскому.

Рѣчь Д. Н. Григоровичъ-Барскаго.

Гг. присяжные засѣдатели, я долженъ начать свое слово съ возраженія, самаго горячаго возраженія послѣдному оратору относительно того, что защита будто бы ставитъ вопросъ такимъ образомъ: либо Бейлисъ, либо Чеберякъ? Защита никогда такъ вопросъ не ставила. Это приемъ, который нытаются васъ привести въ заблужденіе. Это положеніе выдвигалось исключительно гражданскими истцами. Г. Шмаковъ, который впервые выдвинулъ это положеніе, между прочимъ, при этомъ же положеніи выдвинулъ и другое положеніе. Онъ говорилъ, что это положеніе—и я и я не исключаетъ положенія и Бейлисъ и Чеберякъ. По поводу положенія—и Бейлисъ и Чеберякъ говорили вамъ оба гражданскихъ истца. Гг. присяжные засѣдатели, и отъ этого положенія обвиненіюйти никакъ невозможно. Здѣсь все время раздавались упреки, и, главнымъ образомъ, со стороны г. Шмакова, къ томъ, что мы говоримъ о Чеберяковой. Чеберя-

кова стала центральной фигурой этого дела, и все наше внимание сосредоточено на ней. Но я привлекаю ваше внимание, если вы вспомните, еще во время судебного следствия к Бейлису.

Наше несчастье, гг. присяжные заседатели, в этом дѣлѣ и заключается въ томъ, что принятии всѣ мѣры къ тому, чтобы утопить въ массѣ ненужныхъ мелочей несчастнаго Менделя Бейлиса, который, сидя на процессѣ много дней, совершенно не понималъ при чемъ онъ здѣсь, какое онъ имѣетъ отношеніе къ тому, что происходитъ передъ вашими глазами? Проходили цѣлые дни, недели, когда имя его не упоминалось.

Г. прокуроръ, гг. присяжные заседатели, начиная свое возраженіе, указывалъ на вашу усталость, на то, что вы работаете долгое время, и что пора кончать. Казалось бы, что при такихъ условіяхъ мы могли ожидать, что возраженіе будетъ по существу, что будетъ сдѣлано указаніе на главнаго виновника въ настоящемъ дѣлѣ, именно на Менделя Бейлиса. Слышали ли вы, гг. присяжные заседатели, что-нибудь о Менделѣ Бейлисѣ, за исключеніемъ князевннхъ увѣреній г. Шакова, что онъ увѣжденъ въ его виновности? Кромѣ увѣреній, ни одного слова о Менделѣ Бейлисѣ. Объ уликахъ, относящихся къ Менделю Бейлису, вы, гг. присяжные заседатели, здѣсь не слышали. И немудрено, что вы объ этомъ не слышали, такъ какъ улики нѣтъ совершенно, о нихъ нельзя и говорить. Наше положеніе тѣмъ и трудно, что все, что можно сказать о Менделѣ Бейлисѣ, можно было сказать въ теченіе четверти часа.

Припомнимъ, и въ обвинительномъ актѣ, и здѣсь, что выставлялось противъ Бейлиса? Показанія супруговъ Шаховскихъ. Эти показанія настолько ярки, что и не буди на нихъ останавливаться, а только вспомню, что и защита и представители гражданского иска сходились на томъ, что вполне можно доверитъ показанію Шаховского только въ той части, гдѣ говорится о встрѣчѣ Шаховского съ Анриетой Юинскиной. Далѣе идетъ такой сумбуръ, она столько разъ мѣняютъ свои показанія, и Шаховской и Шаховская, что даже обвинитель не рѣшается брать изъ этихъ показаній улики противъ Бейлиса. Вторая улика, это показанія бывшаго арестанта,—я говорю б м в ш а г о, такъ какъ г. Ша-

ковъ очень обидѣлся, когда защита назвала его арестантомъ,—бывшаго арестанта г. Козаченко. Этотъ бывший арестантъ г. Козаченко, какъ вы помните, сидѣлъ въ одной камерѣ съ Бейлисомъ. Его послали туда потому, что онъ былъ арестантомъ, выдававшимъ своихъ товарищей. Какъ вы знаете, онъ первый явился къ надзирателю, а затѣмъ къ помощнику начальника тюрьмы Крупскому и заявилъ, что Бейлисъ желаетъ переписываться съ женой, а что онъ желаетъ выдавать эти письма, чтобы такимъ образомъ обнаружить виновность Бейлиса. Объ этомъ Крупскій доложилъ товарищу прокурора. Такимъ образомъ, съ вѣдома прокурорскаго надзора было установлено особое наблюденіе за перепиской Бейлиса, который вымывался къ этой перепискѣ и вслѣдствіи поспрыска къ тому, чтобы передавать письма. Козаченко заявилъ, что будто бы Бейлисъ просилъ отравить какихъ-то свидѣтелей. Вотъ вы видѣли, при какихъ обстоятельствахъ происходила переписка, вы помните содержаніе писемъ, и ясно представляете, что въ этихъ письмахъ нѣтъ ни малѣйшаго намека на причастность Бейлиса къ этому дѣлу. Козаченко со словъ будто бы Бейлиса передалъ, что Бейлисъ просилъ его отравить двухъ свидѣтелей, Шаховского-фонарника и Наконечнаго, прозваннаго лягушкой. Но вѣдь вы знаете, что показаніе Наконечнаго, данное еще до этого письма, было въ пользу Бейлиса. Это вызвало очень сложное указаніе представителя гражданского иска на то, что, отравляя Наконечнаго, Бейлисъ будто бы хотѣлъ избавиться отъ Дуни Наконечной. Но это указаніе совершенно не выдерживаетъ критики. Если бы Бейлисъ хотѣлъ избавиться отъ Дуни, то онъ и отравилъ бы Дуню, а затѣмъ же ему было травить отца ея? Наоборотъ, онъ скорѣе могъ повлѣять на него, и черезъ него на дочь, а если бы не было его, то на дочь было бы повлѣять труднѣе. Такъ что, это указаніе совершенно несостоятельно. Козаченко еще указалъ третьяго свидѣтеля, котораго не нашли. Здѣсь спрашивали представители гражданского иска, откуда Козаченко могъ знать свидѣтелей? Да очень просто. Онъ былъ въ день освобожденія своего изъ тюрьмы и сказалъ Бейлису, что онъ изъ газетъ, затѣмъ отъ арестантовъ и другихъ лицъ слышалъ, что

свидѣтелями являются „Лягушка“ и фомарщик. Но что Коваченко дала намъ въ отношеніи виновности Бейлиса? Указывали здѣсь только на то, что Бейлисъ хотѣлъ отравить свидѣтелей. Но видѣ это такой вздоръ, о которомъ и говорить не приходится. Это вторая улика. Третья же, и самая главная улика — это показаніе семьи Чеберяка. Я долженъ здѣсь обратить вниманіе на одно обстоятельство, которое, можетъ быть, не вполне было подчеркнута защитниками, говорившими по данному дѣлу. Вы помните, какъ передается всю эту картину Чеберяка. Катались дѣти на мядѣ, пошли они кататься на мядо съ услубы Захарченко черезъ дыры въ заборѣ. Людѣ особенно настаиваетъ на томъ, что они шли кататься, пролѣзая черезъ дыры въ заборѣ, такъ какъ, когда они возвратились, она стояла и въ это отверстіе, въ эту дыру, наблюдала за тѣмъ, какъ лонили Андриюшу. Когда дѣти катались на мядѣ, вдругъ появился Бейлисъ, съ нимъ Файель Шнейерсонъ, торговецъ свинью, и два цадика, раввина, которымъ раньше видѣли въ квартирѣ Бейлиса Женю и Людѣ. Они погнались за дѣтьми, схватили Женю и Андриюшу, но Женя увернулся и побѣжалъ, а Андрияша осталась. Вотъ картина, которую рисуютъ намъ эти свидѣтели. И не буду говорить о полной абсурдности этой картины. Но крайней мѣрѣ, когда я читалъ это показаніе, мнѣ незлоко стадо за то, что оно изложено въ такой бумагѣ, какъ обвинительный актъ въ качествѣ улики противъ Бейлиса. Гг. присяжные засѣдатели, видѣ это только въ курятникѣ можно дойти цыпленка на глазахъ у всей публики. Но чтобы словить маленька въ присутствіи дѣтей—это настолько неапрочно, что невозможно останавливать вниманіа на подобнаго рода положеніяхъ. А дальше что? Дальше два цадика прѣбываютъ специально изъ-за границы для этого сложнаго ритуальнаго обряда. Эти цадикъ въ своихъ длинныхъ одѣяніяхъ и странныхъ шапкахъ будутъ гонять и лонить дѣтей... Это комическій элементъ въ этомъ дѣлѣ. Можетъ быть, и это тоже входитъ въ обрядъ закланія жертвы, можетъ быть, нужно, чтобы важные пожилые цадикъ гонялись за дѣтьми? Вы видѣли ихъ здѣсь. гг. присяжные засѣдатели, соответствуютъ ли они тому предстванію, которое можно было составить

себѣ по показаніяхъ Женю и Людѣ? Забѣть, что, по моему живнню самое главное, это то, что словленъ былъ и Женя, но онъ только успѣлъ увернуться и убѣжать. Такимъ образомъ, оказывается, что Бейлисъ, который хорошо зналъ семью Чеберяка, живнню недалеко отъ завода, лонить на глазахъ у сестеръ брата ихъ и тащитъ. Что должно было произойти? Неужели сестры Женю, Людѣ и Валя, не побѣжали бы къ родителямъ, не привели бы ихъ къ мѣсту преступленія, гдѣ они должны были застать Бейлиса и другихъ, которые совершали жертвоприношеніе?

Гг. представители гражданскаго иска прекрасно понимаютъ это послѣднее положеніе, которое ихъ и заставляеть искать выхода и говорить: „можетъ быть, и Чеберякъ“. Они стараются не опровергать этого обстоятельства съ одной стороны, а, съ другой стороны, цѣлымъ рядомъ таковыхъ, безконечное количество данныхъ vezetъ насъ къ квартирѣ Чеберяка. Вы слышали здѣсь показанія свидѣтелей, вы видѣли массу таковыхъ данныхъ, которыми, какъ ни повернешь, все приводятъ къ квартирѣ Чеберяка. Вотъ здѣсь говорить намъ, что Чеберякъ — женщина порочная, живая. Если она порочная, живая женщина, то почему же вѣрять ея показанію, показанію, составленному при таковыхъ исключительныхъ условіяхъ, показанію, данному черезъ полтора года послѣ того, какъ возникло это дѣло. Но я на этомъ останавливаться не буду, этотъ вопросъ уже разработанъ защитой. Я хочу только указать, что осталось дѣлать защитѣ, какъ не нарисовать возможную картину убійства. Защита это и сдѣлала, конечно, не рѣшая вопроса категорично и не настаивая на томъ, что дѣло произошло именно такъ, а не иначе. Это было только ея предположеніе, предположеніе болѣе или менѣе вѣроятное, какъ всякое предположеніе.

Теперь я перейду къ некоторымъ возраженіямъ по поводу рѣчей обвинителей. Прежде всего я долженъ сказать, что когда я сталъ слушать эти возраженія, я думалъ, что послѣ такой значительной усталости, послѣ всего потраченнаго времени, я услышу серьезные возраженія, возраженія по существу, за улики, выставленныя противъ Бейлиса. Но оказалось, что здѣсь были приделаны безконечный рядъ мелочей, неимѣющихъ прямого от-

ношения къ Бейлису, которыя были астро-
нуты защитой лишь поупуто. Если бы
даже во всѣхъ этихъ мелочахъ были нѣ-
которыя неточности, несомненно, даже не-
соотвѣстствіе, то они абсолютно никакого
значенія не имѣли. Я придаю особое зна-
ченіе двумъ положеніямъ, выдвинутымъ об-
винителемъ. Это прежде всего указанію на
замѣчаніе защиты относительно неправиль-
ности дѣйствій судебного слѣдователя
Машкевича. Здѣсь это было представле-
но въ такомъ видѣ, что какъ будто бы
защита умышленно старалась превратить
дѣйствія г. слѣдователя во что-то пре-
ступное, между тѣмъ какъ она всѣ на-
стояще прекрасны, что вызвали возгласъ
г. прокурора: „я чрезвычайно доволенъ
судебнымъ слѣдователемъ г. Машкеви-
чемъ“. Конечно, здѣсь не мѣсто ни восхвалять,
ни порицать судебного слѣдователя,
производившаго слѣдственные дѣй-
ствія, съ другой стороны нельзя не ска-
зать, что когда раздается похвала по
адресу человека, совершившаго извест-
ное дѣло, то мысль невольно перефоситъ
эту похвалу на самое дѣло, кажется, что
оно хорошо сдѣлано.

Но мы доказываемъ, что оно нехоро-
шо сдѣлано, и выдвигаемъ цѣлый рядъ
такихъ данныхъ, которыя подтверждаютъ
наше положеніе. Я и хочу указать на
нѣкоторыя мѣста въ этомъ слѣдствіи. Г.
прокуроръ и оба гражданскіе юнца на-
чали свои рѣчи съ указанія на извраще-
нія, будто бы допущенныя защитой. Ука-
занія ихъ въ этихъ рѣчахъ, если помни-
те, сводились къ неправильной — я не
скажу къ извращенію — передачѣ обстоя-
тельствъ настоящаго дѣла. Прокуроръ и
г. Замысловскій указали намъ на первую
неправильность судебного слѣдователя, о
которой отмѣчено защитой, это относительно
волоса. Она сказала, что какой-то во-
лосъ былъ чернаго цвѣта. Прежде всего
это не такъ. Не какой то волосъ, а какіе-
то волосы, такъ какъ волосъ было 4, во-
вторыхъ, не черные, а темно-русые. Вы
помните это изъ протокола, что волосы
были темно-русые. Это обстоятельство
чрезвычайно важное. Г. прокуроръ ска-
залъ здѣсь, что зачѣмъ было производить
сравненіе этихъ волосъ съ волосами Ла-
тишева, который рыжій, а тѣ двое, Син-
гаевскій и Рудзинскій, были безъ бороды.
Г. же Замысловскій еще болѣе опредѣ-

ленно сказалъ, что они были несомнѣнно
безъ бороды, и что поэтому необходимости въ
ислѣдованіи не было никакой. Но вы
помните, во-первыхъ, изъ акта предвари-
тельнаго слѣдствія, что вопросъ — былъ
ли волосъ изъ бороды или изъ головы, не
рѣшенъ категорически и безусловно. Эк-
сперты высказались, что по всей вѣроят-
ности изъ бороды, но не отрицалась воз-
можность, что изъ головы. А зачѣмъ, во-
вторыхъ, г.г. присяжные заседатели откуда
знали на предварительномъ слѣдствіи, что
Латисhevъ былъ рыжій? А зачѣмъ, откуда
знали, что Латисhevъ былъ прозванъ
рыжкимъ, потому, что у него было борода
рыжая? А можетъ быть онъ былъ такъ на-
званъ потому, что носилъ похищенный гдѣ-
нибудь рыжій костюмъ или пальто? Вѣдь
ключки даются по самымъ случайнымъ об-
стоятельствамъ. Наконецъ, цвѣтъ волосъ
на головѣ и на бородѣ часто соответству-
еть, но не всегда. Зачѣмъ на указаніе
прокурора, что Сингаевскій и Рудзинскій
были безъ бороды, мы можемъ сказать,
что мы этого не знаемъ. Мы знаемъ толь-
ко, что Сингаевскій и Рудзинскій яви-
лись сюда съ бородами. Что касается
того, что они на карточкахъ сняты безъ
бороды, то вѣдь вы знаете, что эти кар-
точки были сняты въ смысломъ отдѣленіи
года за два или за три, такъ что это ни-
чего не доказываетъ. Такимъ образомъ,
сказать, что у нихъ бороды не было мы
не имѣемъ основанія. Вотъ если бы мы
въ настоящую минуту имѣли актъ исслѣдо-
ванія волосъ судебного слѣдователя, то
мы могли бы отвергнуть данныя и не
останавливаться на этомъ такъ долго. Г.г.
прис. засѣд., пойдѣмъ далѣе. Намъ гово-
рить, почему защита не ставитъ вопроса
о томъ, что не исслѣдованы волосы Шне-
ерсона, хотя онъ безъ бороды, но вѣдь
на головѣ волосы были. Значитъ, не-
смотря на то, что Шнеерсонъ безъ боро-
ды, прокуроръ находитъ возможнымъ ис-
слѣдовать волосы, шеюшеся у него на
головѣ, и сравнить ихъ съ тѣми, которые
были найдены при трупѣ. Г.г. прис.
засѣд., я вамъ отвѣчу на этотъ вопросъ
такъ: мы не ставили этого вопроса по-
тому, что вопросъ этотъ для защиты неясенъ.
Не исслѣдовали волосы Шнеерсона по-
тому, что судебный слѣдователь ни одной ми-
нуты не сомнѣвался въ томъ, что Шнеер-
сонъ не причастенъ къ настоящему дѣлу.

Здѣсь было сказано о томъ, что Шнеерсонъ — это такая фигура, которая можетъ вывести на какія угодно догадки, на какія угодно подозрѣнія.

Г.г. прис. засѣдатели, вы помните, что Люда Чеберякова прямо указывала, что за Андрюшей и Женей гнались Бейлисъ и Шнеерсонъ. Если этому показанію доверять, то почему же не привлеченъ Шнеерсонъ на скамью подсудимыхъ, онъ долженъ былъ бы сидѣть вмѣстѣ съ Бейлисомъ! Если бы придавали значеніе, то надо было бы изслѣдовать волосы, это не было бы новымъ доказательствомъ противъ Шнеерсона, а между тѣмъ, теперь возможно высказывать догадки, такъ какъ у Шнеерсона волосы тоже темные и можетъ быть, схожи съ волосами, найденными на трунѣ. Вотъ первый на нашъ взглядъ существенный недостатокъ въ производствѣ слѣдствія. Второе, это вопросъ о глинтѣ. Вопросъ о глинтѣ представляется чрезвычайно существеннымъ, г.г. прис. засѣдатели. Почему изслѣдована была глина только на заводѣ Зайцева, почему не изслѣдована была глина тамъ, гдѣ по даннымъ предварительнаго слѣдствія могло быть совершено убійство? Въдѣ, прима же указанія были на квартиру Чеберяковой, на ея погребъ, на ея сарай. Почему этого не надо было изслѣдовать? Вы слышали здѣсь указаніе г. прокурора на то, какъ могло совершиться преступленіе, какъ могла попасть на тужурку глина, которая подвергалась изслѣдованію? Г. прокуроръ говорить, что могли слѣдами нанести эту глину, но вѣдѣ такими же слѣдами могли нанести глину и въ комнату Чеберяковой. Вы помните, г.г. прис. засѣдатели, что у Чеберяковой былъ дворъ съ глинянымъ поломъ, затѣмъ глиняный полъ былъ также въ ея погребѣ, слѣдовательно была полная возможность получить и изслѣдовать глину. Но этого не было сдѣлано. Квартира, домъ, однимъ словомъ помѣщеніе, гдѣ жила Чеберякова не были достаточно осмотрѣны. Вы сами знаете, г.г. присяжные засѣдатели, изъ жизни, что на чердакѣ, такъ называемая боровая труба всегда мажется глиной. Естественная вещь, что трунъ могъ быть перенесенъ на чердакъ, а вѣдѣ вы знаете, что и отверстие было и лѣстница стояла возлѣ самой квартиры Чеберяковой и трунъ было не трудно перенести на чердакъ, если почему либо было трудно дер-

жать дома, тамъ была глина и она могла попасть. Почему это не было изслѣдовано. — на этотъ счетъ мы указаний не имѣемъ. И укажу еще, если вы припомните,—къ сожалѣнію мы не обратили должнаго нашего вниманія на это обстоятельство.— что въ той глинтѣ, которая была найдена на тужуркѣ и подвергалась изслѣдованію, между другими частями обнаружены мазельскія частички угля. Не указывается ли это обстоятельство на правильность моего предположенія, что глина эта могла попасть съ того бора на чердакъ, который обмозанъ глиной. Вотъ, г.г. присяжные засѣдатели, чрезвычайно важное обстоятельство—неизслѣдованіе глины.

Дальше—коверь. О коврѣ мы уже говорили. Вы также помните, вѣроятно, изъ акта его осмотра, что г. Туфановъ, экспертъ, счелъ небольшое количество ворса въ шести мѣстахъ, только въ шести мѣстахъ, гдѣ ему казалось, что есть подозрительныя пятна. Но вѣдѣ для того и производится химико-микроскопическое, да еще спектральное изслѣдованіе, чтобы выяснить то, чего мы простымъ глазомъ не видимъ, изслѣдовать то, что на глаза могло казаться не подозрительнымъ, а на самомъ дѣлѣ могло быть весьма и весьма подозрительнымъ. Мало того, коверь могъ подвергаться сверху чисткѣ, мойкѣ, настолько, что пятна не были видны. Для изслѣдованія надо было бы намочить весь коверь, извлечь жидкость и по этой жидкости путемъ научно спектральнаго анализа, который производился у насъ нѣсколько разъ, можно было детально установить самое незначительное количество человеческой крови. Слѣдовательно, это можно было сдѣлать. И въ такомъ дѣлѣ, которое г. прокуроръ называетъ мировымъ дѣломъ, надо было сдѣлать все. Нельзя же было бросать такъ себѣ такіе предметы, которые подлежали изслѣдованію.

Дальше о бумажкахъ. Вамъ говорили одинъ изъ защитниковъ, что проще всего было бы взять разнаго рода бумажки, чѣмъ требовать чертежи отъ Дьяконовыхъ, и предъявить имъ бумажки. Впрочемъ, обстоятельство съ бумажками не представляется въ такомъ видѣ, чтобы придавать ему большое значеніе.

Но зато съ наволочками, г.г. присяжные засѣдатели, получилось нѣчто невѣроятное. Дьяконовы были подробно спрошены о ря-

сункаль на наволочку, показавя их записаны, что же еще осталось? Надо было послѣ этого, такъ какъ, что написано перомъ—не вырубилъ топоромъ—развернуть и показать Дьяконовой эту наволочку. Но она тогда показана не была. Не говоря о томъ, какъ правильно замѣтилъ прис. повѣренный Грузенбергъ, что не было необходимости даже заставлять рисовать, а предъявлять въ числѣ десятки другихъ рисунковъ клочки холста, полотна, маделоза и просить указать, что это —Чеберяковой или не Чеберяковой? Я допускаю все то, что сдѣлалъ судебный слѣдователь, но когда онъ поймалъ все то, что было живого въ ея показаніи, тогда онъ могъ предъявить наволочку. Вѣдь больше ничего не могло произойти. Но почему онъ не предъявилъ? Г.г. прис. заседатели, для меня этотъ вопросъ ясенъ: онъ не предъявилъ потому что она могла сказать—да, это кусочки отъ наволочки съ подушки Чеберяковой. Что же ему оставалось дѣлать? Тогда надо было произвести обыскъ у Чеберяковой, и если бы такой обыскъ былъ произведенъ, мы имѣли бы, если не остальную часть той наволочки, отъ которой оторванъ этотъ кусочекъ, то быть можетъ имѣли бы наволочку, на которой былъ бы точно такой же, тождественный рисунокъ.

Это обстоятельство не имѣло мѣста, потому что оно могло колебать тѣ ничтожныя улики, которыя имѣлись противъ Вейлса. Въ такомъ же приблизительно положеніи находится вопросъ по дѣлу о знаменитой харьковской побѣдѣ. Вы помните, Чеберякова рассказывая о томъ, какъ ей предлагали деньги говорила, что Марголинъ занималъ 2 комнаты и что изъ второй комнаты вышли тѣ три человѣка, которые будто бы говорили о 40 тысячахъ. Мнѣ совершенно ясно какъ въ представленіи Чеберяковой создается эта жгучая картина: Чеберякова избрѣла вопросъ о 40 тысячахъ, значитъ надо было обставить это предложение о 40 тысячахъ такъ, чтобы ему всѣ поѣбрили, чтобы оно имѣло больше вѣроятности. Вотъ она и говоритъ: вышло 3 человѣка, какъ будто создается новая картина. Но откуда она вышла? Естественно, что спрятавшись за кусочкомъ завѣски 3 человѣка стоять не могутъ, значитъ надо сказать, что была вторая комната. Но вы

знаете изъ показаній, что второй комнаты не было. Вѣдь это не трудно было проверить судебному слѣдователю Машневичу; ему не надо было ѣхать для этого въ Харьковъ, ему надо было только поручить, въ порядкѣ отдѣльнаго требованія, осмотрѣть тотъ номеръ, который занималъ Марголинъ. Это было не трудно, и тогда не занимались бы этимъ эпизодомъ, онъ не вошелъ бы въ обвинительный актъ, тогда стала бы ясно живность показаній Чеберяковой. Тогда не получилось бы того положенія, что бывший защитникъ Вейлса Марголинъ явился здѣсь лицомъ чуть ли не подсудимымъ по настоящему дѣлу. Я уже указалъ, гг. присяжные заседатели, что по этому эпизоду судебный слѣдователь составилъ протоколъ, въ которомъ говорится только объ одномъ мѣстѣ заявкіи. Заявка Марголина записана не въ хронологическомъ порядкѣ и только во второмъ протоколѣ, послѣ того, какъ свидѣтель, допрошенный по этому дѣлу, ему указалъ цѣлый рядъ другихъ мѣстъ, только послѣ этого, онъ составилъ второй протоколъ, куда внесъ эти мѣста. И вотъ когда читаете первый протоколъ, то создается невыгодное впечатлѣніе, которое дальше разсѣять бываетъ не такъ легко. Наконецъ, особенно важное упушеніе судебного слѣдователя, которое съ моей точки зрѣнія можетъ являться роковымъ для дѣла. Г.г. присяжные заседатели, вы поймете его значеніе, когда я скажу вамъ, что судебный слѣдователь послѣ возвращенія дѣла къ дознанію по заявленію Брузуль-Брушковскаго о томъ, что преступленіе совершено шайкой воровъ...

Предс. Вы не являетесь судьей упушенной судебнаго слѣдователя, и вамъ, какъ защитнику не предоставляется право на это указывать. Поэтому я прошу васъ употреблять другія выраженія, напримѣръ, недостатокъ и т. д.

Г р и г. - Б а р с к і й. Я извиняюсь, я не имѣлъ въ виду упрекать судебного слѣдователя, но я обращаю вниманіе на то, что намъ поѣшало придти къ истинѣ. Г.г. присяжные заседатели, я обращаю ваше вниманіе на то, что было подано заявленіе, въ которомъ указывалась опредѣленная совершенно группа виновныхъ и говорилось, что убійство совершено Сингаевскимъ, Рудзинскимъ и Латышевскимъ и для проверки этого заявленія возвращено было предварительное слѣдствіе, возвращено было дѣло

къ следователю. Казалось бы, судебный следователь должен был съ перваго шага принятись за изслѣдованіе виновности этихъ лицъ. Итъ, гг. присяжные заседатели, этого не было! Судебный следователь проверялъ дѣянія Марголина и т. д., а что касается того, какъ же проводили время эти преступники, что они дѣлали въ тотъ моментъ, когда они совершали преступленіе, по этому поводу ничего не было сдѣлано. Вы знаете, что околоточный надзиратель Кириченко, околоточный надзиратель, а не судебный следователь, понять, что необходимо немедленно приступить къ разслѣдованію тѣхъ обстоятельствъ, которые могутъ пролить яркій свѣтъ на это дѣло. Онъ составилъ дознаніе и онъ показалъ судебному следователю въ этомъ дознаніи, что Рудзинскій уходилъ изъ дому 12-го числа въ 8 час. утра и возвратился въ 12 ч. дня. Въ промежутокъ времени отъ 8 ч. утра до 12 дня онъ отсутствовалъ. Онъ явился послѣ 12 ч. и занялся матерію, чтобы она являла его въ г. Ковель, — послѣ 12 часовъ явился. Мало того, онъ занялся матерію, чтобы она выкупила его костюмъ. Тутъ, между прочимъ, я вношу поправку въ указаніе кого-то изъ гг. обвинителей, я запамятовалъ, кажется, г. прокурора, о томъ, что будто бы однимъ изъ защитниковъ было указано неправильно, т. е. было сдѣлано указаніе, которое противорѣчитъ его выводамъ о томъ, что онъ накануне, до убійства, просилъ о выкупѣ костюма. Итъ, то было уже въ то время, когда убійство было совершено. На слѣдующій день утромъ вы знаете, онъ переоделся въ новый костюмъ и уѣхалъ. Гг. присяжные заседатели, по гдѣ же старый его костюмъ и гдѣ вообще, костюмы всѣхъ тѣхъ лицъ, которыхъ подозреваютъ въ этомъ дѣлѣ? Видъ, вы знаете, крови было много, какъ бы осторожно они ни обращались съ этой кровью, она могла попасть на ихъ платье. Если бы костюмъ хоть одного изъ нихъ нашли, — а, въ частности было указаніе о какомъ-то странномъ переодеваніи, Рудзинскому почему-то надо было сбросить съ себя скорѣе костюмъ, — если бы это было проверено, мы бы, можетъ быть, стояли бы теперь на правильномъ пути и намъ не пришлось бы такое количество времени посвящать совершенно не нужному разсмотрѣнію безконечнаго количества всякаго, какъ выразился

г. прокуроръ, хлама, въ позномъ смыслѣ слова хлама.

Затѣмъ далѣе. Вы помните, гг. присяжные заседатели, что по ничтожному эпизодическому обстоятельству, не имѣющему существеннаго значенія для дѣла, по поводу побѣдки въ Харьковѣ Брауна и Марголина, состоялась очная ставка Чеберяковой. А очная ставка Сингаевскаго и Рудзинскаго съ Караевымъ и Махалинымъ была сдѣлана? Она не была сдѣлана. Вы понимаете прекрасно, гг. присяжные заседатели, какое значеніе имѣли въ глазахъ арестантовъ этотъ Караевъ. Если адѣсь, на судѣ, когда Махалинъ задалъ вопросъ Сингаевскому, онъ задумался и потупился, — что у него происходило въ душѣ, я гадать не буду, — но если на него произвело такое впечатлѣніе это обстоятельство, то вы подумайте, если бы Караевъ, котораго арестанты считали героемъ, передъ которымъ преклонялись, если бы онъ сказалъ въ лицо: „ты же мнѣ говорилъ“, что же, Сингаевскій могъ бы возражать противъ. Я думаю, едва ли онъ могъ возражать.

Конечно, я передаю вкратцѣ, всего на память привести не могу, но вкратцѣ указываю на то, что было упущено и благодаря чему произошло предписаніе, и Есильскъ оказался на скамьѣ подсудимыхъ. И въ этой области никакой помощи следственной власти оказалось не было, въ этой области частное разслѣдованіе никакого участія не принимало, такъ что говорить о томъ, что адѣсь были препятствія, которыхъ судебный следователь преодолѣть не могъ, никакъ нельзя.

Теперь я хочу отмѣтить еще одно мѣсто, по моему мнѣнію существенное изъ показаній г. прокурора. Въ своемъ разраженіи г. прокуроръ между прочимъ говоритъ, что, хотя действительнымъ мѣстомъ преступленія онъ считаетъ ту квартиру, которая находится при конюшнѣ, но онъ на этомъ не настаиваетъ и считаетъ, что не очень существенно расходится съ поѣреннымъ Захисловскимъ, который сказалъ, — я передаю это со словъ г. прокурора, — что убійство могло быть совершено и возле конюшни на чистомъ воздухѣ, что притащилъ туда Вейлисъ Андриюшу, кто-то нанесъ нѣсколько ударовъ въ голову, затѣмъ толкнула въ конюшню и тамъ уже продолжалось дальѣйшее. Ко-

нечто, отказаться от первого соображения г. прокурору было необходимо, ему совершенно не оставалось никакого другого выхода, некуда было идти, потому что, раз в квартире произошла убийство, то всё в обвинения, которые приводить обвинение защитѣ, они падают сами собой; все то, что могло быть в квартирѣ при конюшни, все могло быть и в квартирѣ Чебераковой. Следовательно, тутъ надо было найти новый выход, и онъ былъ найденъ. Но мнѣ кажется, что этотъ новый выходъ показывать полное безсиліе, полную безнадежность обвинения, которое чувствует, что бьется въ послѣднихъ судорогахъ и никакого выхода въ сущности найти не можетъ.

Вы только подумайте, г. присяжные заседатели, если бы это убийство было ритуального характера, такъ долженъ же былъ быть ритуалъ, долженъ же былъ быть обрядъ. Тогда надо прежде всего найти признаки этого обряда. Посмотрите, какой обрядъ тутъ совершается? Тамъ у мальчика по дорогѣ, на ходу, какъ полагало начинаютъ тыкать въ голову, затѣмъ вталкиваютъ въ конюшню и тамъ начинаютъ собирать и вытаскивать кровь. Если они совершаютъ убийство для получения этой цѣнной жидкости — крови, какъ же они начинаютъ бить въ то время, когда собирать кровь нельзя, когда вѣтъ никакихъ приспособленій, когда нѣтъ возможности собрать эту кровь! А затѣмъ, и кто знаетъ, сколько времени пройдетъ въ сопровывленіи, какія могутъ быть случайности, можетъ быть, при вталкиваніи онъ захвѣтается ногой, а вѣдь вы слышали: кровь бьется, бьется изъ виска большой струей. Что же, они потеряютъ большую часть той жидкости, изъ-за которой навлекаютъ на себя не только опасность, но навлекаютъ громъ на весь еврейскій народъ? Развѣ вы, г. присяжные заседатели, хоть на минуту можете допустить, чтобы нѣчто подобное могло быть совершено при томъ условіи, что это ритуалъ и ритуалъ, при коемъ надо нанести опредѣленное количество ранъ, нанести ихъ въ опредѣленныхъ мѣста, опредѣленной силой, опредѣленнымъ орудіемъ и т. д. Это является совершенно невѣроятнымъ и недопустимымъ.

Дальше припомните, г. присяжные заседатели, осмотръ завода. Вѣдь оказыва-

ется, что то мѣсто возлѣ конюшни, гдѣ по предположенію г. прокурора могли быть нанесены первые удары, оно видно сверху съ того мѣста, гдѣ приблизительно находится контора Вейлиса. И вотъ, следовательно, на глазахъ у народа онъ совершаетъ это убийство. Что же это такое? Какъ бы ни велика была въ представленіи г. прокурора и частныхъ обвинителей важность еврейства, но вѣдь нельзя же допустить, чтобы они никого не боялись, чтобы каждого частнаго человѣка, который случайно зайдетъ въ контору для покупки кирпичей и увидитъ преступленіе, можно было бы астрасать, подкупить. До чего же мы въ такомъ случаѣ дойдемъ? Вѣдь такое предположеніе, что каклаго можно купить или тѣмъ или инымъ способомъ устранить отъ свидѣтельства, есть опорочиваніе христіанина!

Наконецъ, и глина абсолютно никакого сходства не имѣетъ съ глиной, взятой въ мѣстѣ около конюшни. Если о первомъ мѣстѣ можно говорить о маленькомъ сходствѣ, то вы поймете, что тамъ есть извѣстѣ и она исключаетъ всякую возможность сходства. Но почему-то обвинители разн., что хотя маленькое сходство есть. Но тутъ никакого сходства нѣтъ, и следовательно, эта версія падаетъ.

Относительно того, какъ было совершено убийство, вамъ сказалъ г. прокуроръ, онъ пытался сдѣлать нѣсколько предположеній, было такое предположеніе, что толкалъ Вейлиса, держалъ Шнеерсонъ, замыкалъ ротъ Чернобыльскій; дѣлалъ онъ и другія предположенія, но въ этихъ своихъ предположеніяхъ на руководящую роль Вейлиса, на роль лица, нанесшаго удары, онъ не указываетъ, онъ самъ этого не знаетъ. А если онъ не знаетъ, какъ совершено было преступленіе, гдѣ совершено было преступленіе, какъ же можно, г. присяжные заседатели, садитъ на скамью подсудимыхъ Вейлиса? Вѣдь для того, чтобы онъ могъ защищаться, онъ долженъ знать, отъ чего защищаться. Если вы мнѣ скажете, что я обвиняюсь въ совершеніи кражи, я не въ состояніи буду ничего отвѣтить, я кражами не занимаюсь. Вейлиса говорить, — позвольте, я убійствами не занимаюсь, это противно моей натурѣ, и не могъ этого сдѣлать! Что же дальше онъ можетъ сказать, если вы ему не сказали

ли о мѣстѣ, ни о формѣ, въ которой совершено убійство. Эти обстоятельства должны быть даны обвиненіямъ. Они не даны, потому, что обвиненіе ихъ не имѣть и не будетъ имѣть, оно бессильно создать, а Нового материала нѣтъ.

И хочу еще коснуться только фактической стороны двухъ положеній, которая кажутся мнѣ наиболее существенными. Мнѣ важно отмѣтить важъ, почему появились слѣдующія реплики. Вы могли замѣтить, что рѣчи обвинителей начинались и оканчивались указаніемъ на несчастнаго замученнаго мальчика Андрюшу, на тяжкія страданія его матери Александры Приходько, подчасъ, и тетки Наталіи Приходько, и бабушки Олимпіады Ижвинской, указывалось даже, — не знаю, откуда взяты эти свѣдѣнія г. Замысловскаго, — что несчастная Александра Приходько скоро тоже можетъ быть будетъ тамъ захѣтъ со своимъ сыномъ; это почти во всѣхъ рѣчахъ проходить красной нитью. Кроме этого, важъ все время ругали еврейскихъ всевластіемъ. Ни одна рѣчь не обходилась безъ этого, какъ и во время реплики, и я думаю, что рѣчь прокурора, который возражалъ вамъ на рѣчи защитниковъ, главнымъ образомъ имѣла цѣлью сказать вамъ фразу одного изъ вигателей русскихъ, которая, къ сожалѣнію, была уже произнесена, когда г. председатель остановилъ, что фраза о томъ „что Россія погибнетъ отъ евреевъ“...

Председатель. Я останавливалъ г. прокурора, прошу и важъ этого не касаться. Мною все будетъ разъяснено г. присяжнымъ заседателямъ. Подобные вопросы выходить изъ круга судебного слѣдствія.

Гр и г. Барскій. Вотъ, гг. присяжные заседатели, эти рѣчи сводились къ тому, чтобы вы ушли въ совѣщательную комнату подъ впечатлѣніемъ кроваваго призрака, тяжкаго горя, еврейскаго давленія, еврейскаго всемілія. Думалъ, что и это уже, можетъ быть, не произведетъ того впечатлѣнія, которое раньше могло бы произвестъ на вервы свѣжихъ людей, важъ выводить новое обстоятельство: если произнесете приговоръ оправдательный, то тѣмъ самымъ Андрюшу Ющинскаго сдѣлаете воромъ и предателемъ. Это приѣмъ, который съ точки зрѣнія правосудія совершенно недопустимъ. Гг. присяжные заседатели, вы помните, что Андрюшу Ющинскаго мы никогда не порочили и дурного о немъ не го-

ворили. Впрочемъ, и это обстоятельство ставится въ вину. Говорать, что, не браня Ющинскаго, мы хотимъ обойти важъ, зачаровать важъ, чтобы вы внимательнѣе слушали рѣчи защиты. Если бы мы бранили, намъ бы сказали: „это варварство, кощунство, мальчишья замученья, а вы его браните!“ Вотъ какое положеніе создалось: не похвали, не скажи ничего дурного. Но я думаю, что вамъ совершенно ясно, гг. присяжные заседатели, что то, чего требуютъ отъ васъ обвинители, осужденія певнилаго Бейлиса, оно ни въ коемъ случаѣ не успокоить души покойнаго Ющинскаго, оно не успокоитъ горя замученной матери Александры Приходько, но оно поставитъ преграду для усношенія общественной совѣсти, оно поставитъ преграду къ тому, чтобы дѣйствительные виновники сѣли на эту скамью подсудимыхъ и, чтобы они понесли должное наказаніе по закону!..

Что касается еврейскаго всемілія, то я думаю, здѣсь не мѣсто распространяться. Все это разсѣнется въ пухъ и прахъ, если вы въ своей совѣщательной комнатѣ вспомните, что это еврейское всеміліе споткнулось и разсыпалось само по себѣ въ пухъ и прахъ передъ благородствомъ, твердостью и безукоризненностью такихъ лицъ, какъ сунуригъ Шаховскіе, арестантъ Козачонко, сыновья Полингузъ и семья Чеберяковой. Вотъ кто собственно вынесъ на своихъ плечахъ гнѣтъ евреевъ, вотъ кто не подчинился имъ, кто не могъ быть подкузенъ и вотъ кто посадилъ на скамью подсудимыхъ Бейлиса. Гг. присяжные заседатели, обвиненіе чувствуетъ, что оно провалилось съ установленіемъ человѣческаго жертвоприношенія. Если же вы осудите Бейлиса, то тѣмъ самымъ, гг. присяжные заседатели, вы дѣйствительно совершите жертвоприношеніе человѣка!..

Прок. Я прошу занести это въ протоколъ.

Пр е д с. Завесите въ протоколъ.
Послѣ Д. Н. Григоровичъ-Барскаго слово предоставляется прис. нов. А. С. Зарудному.

Рѣчь А. С. Заруднаго.

Нѣсколько очень краткихъ возраженій прис. нов. Шмакову по вопросу о ритуальной экспертизѣ. Повѣренный гражданскаго истца сказалъ, что первый, слѣдовательно,